

Море поет вечернюю песню. Голос волны становится все более доверительным и трепетным, его тембр – нежным. Красное солнце почти растворилось в воздухе, спрятав свои летние лучи в туманной пленке неба, и затихло, отдыхая от дневной работы. Покрикивают чайки, ищущие корм в волнистой зыби светло-стального цвета, нехотя отдаст дневной жар каменистая галька... Но вот багрово-алый диск, окрашивая все в затухающий розовый цвет, медленно, но неотвратно погружается в море. Лента, сотканная на воде из лучиков красного космического цветка, сужается и блекнет, укорачиваясь и испаряясь. Небо теряет вишневую окраску и приобретает бежевый оттенок... Вот светило наполовину опустилось за горизонт, слева и справа свод посерел, будто горя от расставания, стал призрачным и начал темнеть. Лишь в вышине, над золотистым венчиком уходящей звезды горит заря, но и она свернет свой вечерний шлейф, когда прощальный кусочек солнца, захлебнувшись в морской волне, погаснет...

Я сижу на еще теплом пляже и думаю о времени... Время – настоящая тайна, чудо из чудес! Оно то сжимается кольцами, то устремляется в вечность. Оно способно разбить твою жизнь на несколько жизней, или наоборот, все свести к одной бесценной вожденной минуте. Оно не знает меры в любви и в заточении, оно вольно в одну секунду решить чью-то судьбу... Я боюсь его, я восхищаюсь им, я мучительно ищу ответ на вопрос: что такое время? Почему оно так неожиданно наносит свой удар, почему так коварно стучится в память по ночам? Я не способен его понять. Невозможно постичь его тайные ходы и расплести лабиринты внутренних сцеплений. Все чувствую – и не могу осознать, все вижу – но не в силах освободиться

от этих видений... Кто мне поможет познать великую тайну страшного, безмерного и бессмертного времени?

Только Бог...

Мои родители познакомились в Великом Устюге, на катке, в двух шагах от которого до сих пор стоит здание, где слышали мой первый крик. Мама, Евгения Степановна, была студенткой педучилища, а папа, Василий Егорович Суханов, – курсантом речного училища.

Появился я на свет в 1961 году. Назвали Юрой – в честь Гагарина.

Роды были тяжелейшими, маму парализовало, а потом обнаружили еще и туберкулез. Врачи сказали, что ей не жить, но моя бабушка выходила дочь куриным бульоном. Больше детей у мамы не было.

Папа ходил франтом, речником, даже одно время капитаном, так что летом мы жили на корабле, а зимой – где придется. Поначалу в Кузино, – на противоположном берегу от Великого Устюга.

Помню себя с четырех лет. Поездку к бабушке на санях, их папа перевернул в подпитии; мотоцикл, на котором нас с двоюродной сестрой сфотографировали; помню в деталях мой ужас в кинотеатре, когда смотрел сказку «Морозко» (испугался медвежьей головы).

НА ВОЛГЕ

В 1965–1966 годах и летом 1967-го мы жили на Волге, в Тольятти, где мама крестилась сама и крестила меня. Папа протестовал, но без успеха. Крещение врезалось в память особенно ярко.

Произошло мое второе рождение в Старом городе – районе Тольятти, который раньше назывался Ставрополь-на-Волге, в церкви Казанской

иконы Божией Матери. Незадолго до крещения я, шестилетний мальчик, посмотрел в кинотеатре фильм о средневековой инквизиции, поэтому в храм идти не хотел. Я всячески сопротивлялся и брыкался, а возле самой церкви устроил истерику и даже стал бросать камнями в толстого попа, которому прихожане принесли в дар несколько осетровых рыб, вяло шевеливших хвостами в какой-то объемной посудине. К моему удивлению, священник не обиделся, а потом, в храме, крестил меня и даже дал выпить с ложечки «сладкой водички». Внутри там все сияло, и было так красиво, хорошо и радостно, что я совсем успокоился. Пластмассовый крестик на веревочке храню до сих пор.

Самые счастливые страницы детства связаны с Волгой. Мы прошли ее несколько раз от Ярославля до Астрахани и обратно. Папа был помощником капитана, мама — матросом, а я развлекал команду. Стоял за штурвалом (чуть не сели на мель), ловил рыбу, учился плавать, клянчил у речников пиво, пожирал настоящие астраханские арбузы по 4 копейки за килограмм — в общем, жил в свое удовольствие. Все бы ничего, да надо было готовиться к школе. Алфавит заставил зубрить папа. Не на того напал! Отец выходил из себя, доставал ремень. Наконец, нашелся: дал мне бинокль, и я произносил по слогам названия проходящих мимо пароходов.

Кстати, по Волге ходило не просто много судов, а так много, что не протолкнуться: тяжелые сухогрузы, высокие контейнеровозы, длинные танкеры, стремительные пассажирские «Ракеты» и «Метеоры», белоснежные лайнеры с кинотеатрами и бассейнами на верхних палубах, военные корабли.

Однажды за нами увязались два серых ракетных катера — они беспокойно крутили своими локаторами, рыская в пене нашего следа. Я спросил отца, почему они идут по нашему курсу — папа объяснил: «Штурманы там морские, волжского фарватера не знают, вот и следуют за нами «хвост в хвост», отцепятся только у Каспия».

Красота Волги, ее уютные города с золотыми куполами церквей и поклонными крестами, синие рассветы и розовые закаты, песни Зыкиной, звучавшие чуть ли не на каждом корабле, вольный дух матросской жизни — все это и сейчас связано у меня с родным и нежным словом: «Россия».

Мама — не только удивительный человек, но еще и учитель по призванию. Я был только один раз на ее уроке, но запомнил его на всю жизнь. Такого педагогического дара больше не видел нигде. Что сказать, ведь мама — учитель в шестом поколении, а я, стало быть, в седьмом. Но куда уж мне...

Главой семьи у нас всегда была она. Ее упорству и находчивости можно было только позавидовать, повторить было невозможно. Мама готова была работать кем угодно: хоть сучкорубом, хоть матросом, хоть учетчицей на лесопилке (было и такое), лишь бы быть рядом с отцом. Вспоминаются аэропорты тех лет, бесконечные очереди, ночевки на скамейках, «кукурузники» Ан-2 на летном поле, перелеты из конца в конец... В то время я побывал на борту всех советских самолетов.

Теплоход наш назывался «Ермак», это был толкач оранжевого цвета, мощный и несуразный на вид, но добродушный по характеру, впрочем, таким был и весь наш экипаж. Мы двигали баржи по спокойной бирюзовой воде, иногда попадали в шторм в Куйбышевском водохранилище, больше похожем на серое море, но самым верным нашим увлечением было шлюзование. Сам этот процесс — что-то невероятное: наш корабль под ровный шум насосов то погружался огромный шлюз, похожий на гигантскую бочку, то, наоборот, поднимался из преисподней к свету, к голубому сиянию вод, к слепящему солнцу и диковинным птицам, сидевшим на белоснежных колоннах гидросооружений сталинских времен.

Вечером в кают-компании, на стене которой висел портрет Ермака Тимофеевича, мы играли в домино, рисовали, смотрели по телевизору кинофильмы, футбольные репортажи с чемпионата

мира 1966 года, где, кстати, наша сборная заняла лучшее в своей истории четвертое место (были люди в наше время!); в общем, жили по-мужски. Случались, конечно, и недоразумения... Однажды к нам на корабль поступила на практику студентка какого-то речного вспомогательного училища. Мама сразу же ее невзлюбила, держала «под колпаком», а в поздних, почти ночных, семейных разговорах с отцом называла ее проституткой (вероятно, для профилактики). Я решил, что проститутка — то же, что и практикантка, и на следующий день, подойдя к девушке, спросил ее в лоб, моргая невинными глазами: «А правда, что вы проститутка?» Был страшный скандал.

Но иногда наша речная жизнь поворачивалась совсем не смешной стороной... Отчетливо помню зимний день, широкую полынью, заполненную ледяной кашей, — в нее провалился тракторист, перевозивший с корабля на корабль харчи в корчагах. С ужасом я наблюдал, как водолаз, надевший шесть одежек и скрепивший семь застежек, лез в эту жуть, испуская водяные пузыри... Парня нашли в трех метрах от полыньи, примерзшего спиной ко льду, — до спасения оставалось несколько секунд...

Потом сказали, что ему было всего 20 лет.

Волга вошла в мою жизнь как сказка. Помню, как поразился городу-громадине Куйбышеву: там фантастический порт, все вокруг было окружено стройплощадками, все двигалось, рычало и стучало. В Ульяновске запомнился не ленинский музей, а почему-то огромный кусок шоколадного масла в заурядном магазине на окраине. В Астрахани мы жили недолго, но грязь, нищету, деревянные покосившиеся бараки и крысы, вальяжно переходящих через замызганные дороги, забыть невозможно. Теперь понимаю, что основным местом, где мы зимовали до очередной навигации, был Тольятти. Жили то на корабле, то у какой-то старушки в избе с печкой, от которой чуть не угорели, то у моей крестной мамы в квартире-«хрущевке». Все

дороги были заполнены зилловскими самосвалами, в просторечии — «Захарами», — строился АвтоВАЗ. Новостройкой был весь город: новые дома, новые кинотеатры. Был на премьерах «Айболита-66» и «Свадьбы в Малиновке». Первый понравился мне, а второй фильм — взрослым, со смехом пересказывающим самые уморительные сцены.

Но самым великим мне показался Волгоград, — статуя Матери-Родины была видна издалека, ее меч доставал до самого неба, а Мамаев курган вызывал особые чувства, в которых уже тогда присутствовало жгучее ощущение смертного и одновременно бесконечного родства. Я тогда и представить не мог, что пройдет совсем немного времени, и мы будем жить в этом городе.

Летние, пыльные и разморенные приволжские городки, в которых текла неспешная жизнь, встречали нас всегда радушно и равнодушно. Во время стоянок мы отдыхали на местных песчаных пляжах, бродили по магазинам с копеечными товарами, иногда фотографировались в крохотных ателье. Я любил заходить в книжные лавки, где мне покупали русские сказки, журналы «Веселые картинки», «Мурзилку», издания советских авторов. Больше всех мне нравились Чурушин и братья Бондаренко. Я читал сказки и рассказы запоем, а потом ходил по палубе и переживал заново впечатления от них.

Но чаще приходилось сталкиваться с другим...

Многочисленные перелеты, переезды, скитания по вокзалам, гостиницам, комнатам матери и ребенка, места в которых маме приходилось брать с боем или с унижениями, — все это ранило мою душу.

КРАСНАЯ ПОЛЯНА

Все вроде бы успокоилось, когда в конце лета 1966 года мы переехали в Красную Поляну, ныне знаменитый олимпийский горнолыжный курорт. Сняли комнатку у одинокой бабушки; я стал хо-

доть в очередной, не помню, какой по счету, детский сад, папа работал лесорубом, а мама специальной линейкой измеряла кубометры ободранных деревьев на лесопилке. Жили мы не в центре поселка, а на отшибе, в деревне Эсто-Садок.

Места там и, правда, необыкновенные. Сама Красная Поляна находится на высоте двух километров в огромной природной котловине, со всех сторон окруженной горами, даже летом покрытыми снегом. Внизу – тропики, сверху – Арктика. Поднимаешься в горы – обычный густой, переполненный колючками причерноморский лес, заберешься чуть выше – средняя полоса, еще выше – сосновая тайга, а наверху – ледяные зубчатые скалы. Разница – порой несколько десятков (не сотен!) метров.

В горах водятся зайцы, лисы, а медведи живут в гнездах на деревьях. Сооружают эти «гнезда» они сами, мирно спят там по ночам, поэтому охотятся на них тоже осторожно, с фонариками вместо прицела.

Я любил ходить в лес с папой, собирал белые грибы, ягоды, но более всего мне нравилась рыбалка. В узкой и стремительной реке Мзымте я ловил на обычную удочку форель. Она там ходит стаями, как на Севере плотва. В нескольких километрах ниже по течению – форелевый завод с огромными рыбными бассейнами. Однажды мы всей семьей были в ресторане при этом заводе, указали на приглянувшуюся форель, которую еще называют царской рыбой, – ее нам тут же отловили и приготовили!

Кстати, о царях... В Красной Поляне на среднем откосе есть каменная двухэтажная дача Николая Второго (он там никогда не был, не успел – случилась революция), которую, по слухам, вроде бы, переделали для Сталина (он тоже посетить ее не смог), дача же министра обороны Гречко была действующей и охранялась. Эту живописную природу специально берегли для сильных мира сего. Уже потом я узнал, что Красная Поляна входит в

число десяти самых красивых мест Земли.

С ровесниками из детского сада мы бродили по лесам, гоняли коричневых древесных лягушек и ящериц, сверчков в крохотных норках на склонах гор, однажды поймали зеленую речную черепаху. Боялись мы почему-то жуков-рогачей (хотя они были безобидными), а вот тарантула не испугались... Он заполз к нам вечером в комнату – черный, медлительный, шевеля большими мохнатыми лапками. Убивать его мы не стали, он сам потом исчез.

Играть мы любили на развалинах черкесской крепости, где даже находили белые кости (человеческие или нет – не ведали); еще шалили у входа в темную пещеру, где, по разговорам взрослых, заблудились несколько туристов. Взрослых мы уважали, поэтому далеко вглубь не лезли.

В 1966 году в окрестностях Красной Поляны шли съемки «Кавказской пленницы». Отец наблюдал, как снималась сцена с падающим в Мзымту Шуриком. Несколько месяцев спустя в поселке состоялась премьера фильма, на которую привели весь наш детский сад. Нашему восторгу не было предела! Между прочим, после съемок недалеко от Краснополянской гидроэлектростанции, построенной после войны пленными немцами, был организован зоопарк. В одной из клеток томился медведь, которого так испугались Трус, Бывалый и Балбес. Этого медведя мы не раз кормили конфетами.

Позже, в 1968-м, здесь и в Сочи снимались сцены из другой родной для меня комедии – «Бриллиантовой руки». В следующем году мы смотрели ее в краснополянском кинотеатре.

Кино нашего детства было чудесным, мы сами участвовали в действии, погружаясь в его красочный мир.

В Красной Поляне я впервые увидел «Город мастеров», «Трех толстяков», «Полосатый рейс», «Операцию «Ы» и другие приключения Шурика», «Последний дюйм», две части «Неуловимых мсти-

телей», «Волшебную лампу Аладдина». Уже тогда мы понимали, что это шедевры, и могли отличить подделку от настоящего искусства. Фильм «Таинственный монах» мы сразу невзлюбили, чувствуя, что он просто плох.

«Взрослые» фильмы были другими, в них была какая-то тайна. Эти ленты рассказывали о любви, мы не понимали тогда, почему в этих историях так много грусти. А вот военные кинокартины мы просто обожали! Они были шемящими, как «Баллада о солдате», игровыми («Это было в разведке»), страшными («Радуга»), но всегда подлинными.

Весной 1967 года, точнее – 12 апреля, в День космонавтики, во дворе школы Эсто-Садка ковш экскаватора наткнулся на что-то железное. Это была неразорвавшаяся бомба. Экскаваторщик, увидев ее висящей на ковше, просто сбежал. Школьников выгнали из классов, а приехавшие саперы осторожно вытащили из ямы ржавый пузатый цилиндр, положили в УАЗик с песком в кузове и увезли в горы. Взрыв возвращался к нам эхом несколько раз. Жители поселка рассказали, что во время войны бомбу на школу сбросила немецкая «рама» (так тогда называли разведывательный «хейнкель»), потом о ней забыли.

1 сентября 1968 года я пошел в первый класс. День этот помню очень хорошо. Сияло солнце, просвечивая сквозь зеленые кипарисы, двор перед одноэтажной деревянной школой от букетов переклашек превратился в цветник. На первом уроке учительница спросила: «Кто из вас умеет читать?» Единственным читающим оказался я, поэтому на переменах добросовестно и торжественно декламировал одноклассникам русские былины и сказки, поместив книгу на коленках.

Мама стала вновь преподавать, только во 2-м классе; мы ютились прямо в школе, за перегородкой напротив живого уголка.

Сами уроки почти не запомнились, «свободный полет» был мне (и всем нам) ближе.

Книги мы читали всегда и везде. Кроме школь-

ной библиотеки, я ходил еще и в поселковую; родители, видя тягу к чтению, покупали новые детские книги (очень яркой была обложка японских сказок), тем более что стоили они поразительно дешево. Любимым чтением были, как ни странно, журналы. Не только детские, но и взрослые: «Огонек», «Юность». Зачитывались мы тогда книгами о космонавтах, о спутниках, о Белке и Стрелке, помню фоторепортаж об Останкинской телебашне (вошла в строй в 1967 году), о первом испытательном полете самолета Ту-144, статью об Андрее Миронове.

Читающими были не только мы. Когда в нашей жилой комнате стали делать ремонт две девушки, выписанные на время с какой-то стройки, то они в перерывах между покраской и оклеиванием обоев просматривали журналы «Юность», лежавшие стопкой в углу, запивая стихи и прозу кефиром из стеклянных бутылок.

Помню одно событие в тогдашней школьной жизни... Осенью 1968 года я в первый раз подарил цветы девочке Рите – белокурой и голубоглазой эстонке, почему-то понравившейся мне больше всех. Меня подняли на смех, и я твердо понял, что совершил стыдный и запретный поступок.

Довелось мне жить и без родителей, у старушки в маленькой комнате деревянного барака на сваях. Бабушка была не очень старой, все горевала о сыне, погибшем в армии, его фотопортрет висел под иконами. Я не совсем понимал, почему он погиб, да еще так мучительно, ведь войны не было, но относился к ее рассказам с почтением и страхом. Другую страшную, но до безумия интересную историю рассказала она про мальчика, потерявшегося в здешних горах и оказавшегося под медвежьей опекой. Его потом отыскивали. Маугли не мог говорить, только мычал и стремительно бегал на четвереньках. Было это правдой или нет, не знаю, но она указала однажды на огромного угрюмого мужика, работавшего на лесопилке. Он правда был похож на медведя.

В 1969 году мы получили, наконец, отдельную однокомнатную квартиру – папа устроился работать кочегаром при новом панельном доме. Летом, когда обогревать квартиры было не надо (горячую воду на кухнях и в ваннных комнатах грели титаном), он работал дизелистом на военной стройке. Я, конечно, вертелся и здесь, и там. Правда, все изменилось, когда мне подарили велосипед «Школьник». Летом я стал пропадать из дома надолго – гонял вверх-вниз по извилистым улицам Красной Поляны. Мир раздвинулся и стал шире.

Еще более волнующие впечатления получал я от поездок в Сочи. Конечно, в Адлерский аэропорт можно было прилететь за несколько минут – вертодром находился неподалеку, но мы почему-то ездили к морю только на автобусах. Это были ПАЗики с разноцветными окнами на боковинах крыш. Их мотало из стороны в сторону на узкой горной дороге, с одной стороны которой высились исполинские скалы, а с другой – падала вниз чернота бесконечной пропасти. Дух захватывало у всех, многих тошнило, но только не меня – я был закаленным морским волком, точнее, речным.

Через четыре часа мы выпадали из автобуса на сочинском автовокзале, стеклянном здании с волнистой крышей. Рядом – знаменитый железнодорожный вокзал с башней и часами, а еще немного вниз – морвокзал и море, которое я обожаю!

В музыкальном магазине поблизости от космически-красивого кинотеатра «Спутник» (спустя несколько десятилетий кто-то его разрушил и устроил автостоянку) папа купил баян. Раньше он играл на гармошке, однажды даже был Дедом Морозом на новогоднем утреннике в клубе. Под его наигрыши я и танцевал – изображал юнгу на сцене, правда, все время сбивался и путался в своих ногах и руках. Но баян – это совсем другое. Это огромный, сверкающий перламутром инструмент! Авторитет отца вырос в моих глазах до высоты небоскреба.

Возвращались мы вечером по спокойному Ку-

ортному проспекту, – видели строящийся сочинский цирк, дендрарий с каменными вазами у входа, праздничный стадион «Центральный», на котором две футбольные команды, рассыпавшись по изумрудному полю, бегали за мячом.

Запомнилась и поездка к нарзанному источнику, находившемуся неподалеку от турбазы «Горный воздух». Нас к нему подвез сосед на новой белой «Волге» ГАЗ-21. Великолепная машина! Я наслаждался ее лебединым профилем и аккуратным салоном, куда мы все поместились, не мешая друг другу. Мягкое урчание мотора, прозрачный солнечный спидометр, тихая музыка радиоприемника восхищали.

Нарзанный источник был ничей, а значит, принадлежал всем. За целебной водой приезжали зачастую издалека, с огромными пластмассовыми канистрами. Наша была поменьше, но и ее хватило надолго. С тех пор я много раз пил нарзан из бутылок, но тот кисловодородный вкус пузырящейся воды больше не ощутил никогда. Это был вкус детства.

В сентябре 1969 года я был принят в горнолыжную секцию, только что организованную в Эсто-Садке. Тренировала нас молодая девушка, которую мы сразу полюбили, настолько она была веселой и энергичной. Мы занимались физкультурой, бегали, поднимались в горы, – нас готовили, как тогда говорили, «на олимпийскую перспективу». Но в октябре отцу пришла повестка из военкомата – ему присвоили звание лейтенанта и призвали («забрали») в армию, в железнодорожные войска. Пришлось расстаться и со школой, и с секцией, а главное, с удивительной Красной Поляной. Вещи мы отправили контейнером, а сами на следующее утро должны были ехать в Адлерский аэропорт.

Ночью я не спал – понимал и чувствовал, что жизнь будет совсем другой. Нас ждал город-герой Волгоград. Бессонница не отпускала, я смотрел в окно на мерцающие звезды, на темно-фиолетовые

горы со снежными шапками и слушал музыку, исходившую одновременно и от речных водоворотов Мзымты, и от меня самого. Это была первая решающая ночь в моей жизни.

Утро оказалось неудачным: в кассах аэровокзала билетов до Волгограда не было. Удалось купить их на вечерний рейс дня следующего. Пришлось снимать угол на одну ночь в армянском квартале Адлера: над моей кроватью висел электрический ночник с тусклой лампочкой посреди фиолетовых лепестков пластмассового цветка. Днем промаялись на аэровокзале, а вечером сели, наконец, в реактивный Ту-104. Салон показался мне занятным: подслеповатые иллюминаторы, раскладные деревянные столики за спинками кресел передних пассажиров, притушенный свет боковых светильников. Кормили очень хорошо, приветливые стюардессы разносили первое, второе, газировку, конфеты, шоколад — все с фирменными значками «Аэрофлота».

<...>

КИЧМЕНГСКИЙ ГОРОДОК

Бабушка жила на Вологодчине, в Кичменгском Городке. До Вологды мы с отцом (мама в это время готовила стратегические планы на будущее) ехали поездом, с пересадкой в Москве. Переночевали в гостинице «Ленинградская» на площади трех вокзалов (меня поразила ее высота, глядеть из окна было страшно), а утром с Ярославского, переполненного пестрой толпой вечно спешащих пассажиров (у одного из них блеснула на груди Золотая Звезда Героя Соцтруда), отправились в родную сторонку. От Ярославля ехали уже не на электрической тяге, а на ворчливом и дымном тепловозе. Вологодский вокзал был полупустынным (или мне так показалось после Москвы?). Перед ним, словно солдаты на параде, выстроились таксомоторы с шашечками. Мы выбрали потрепанную «Волгу» и под завывание мотора и пощелкивание счетчика

понеслись через весь город — каменный центр и деревянное Заречье — до самого аэропорта.

Маленькое желтое здание аэровокзала я запомнил поневоле: духота, бьющиеся в окна слепни, кусающиеся, как звери, и такие же озверевшие от долгого и нудного ожидания люди, готовые разбить окна крохотных билетных касс. Почти целый день мы томились здесь, пока не схватили билеты.

До Кич-Городка летали самолеты двух типов: Ли-2 и Ан-2. Нам досталась «Аннушка». Прозвище, конечно, ласковое, но лететь на ней было совсем не сладко: в грохочущем салоне с жесткими боковыми сиденьями нас попеременно бросало то в воздушные ямы, то резко поднимало вверх. В животе все переворачивалось, страдальцы травили в бумажные аэрофлотовские пакеты, и, когда мы, наконец, сели на лесном аэродроме, нас пошатывало изрядно.

В первые минуты после приземления я никак не мог понять, на каком языке говорят кичгородские жители — скорострельное «оканье» и «цоканье» мое ухо не схватывало. Я еще не знал, что через месяц сам буду всю болтать на местном диалекте.

Встретил нас старый знакомый родителей, учитель истории Тихомиров. Его черный мотоцикл «Днепр» несся так «шибко», что сосны мелькали как бешеные. Я сидел в «люльке» и вертел головой по сторонам. Мотоцикл проехал мост через реку Юг и, проскочив на скорости центр, резко затормозил на Колхозной улице. Пыль улеглась, мы прокашлялись, протерли глаза и узрели большой деревянный дом с белыми окнами — это был дом бабушки Люды.

Кичменгский Городок, как это часто бывает в России, соединил собой две реки: Юг и Кичменьгу, от древней крепости остался лишь холм, окольцованный рвом.

Районные центры по всей стране похожи друг на друга: время в них течет неспешно, тягуче, от этого любое из ряда вон выходящее событие ста-

новится особенно значительным, будь то строительство новой автостанции, приезд театра лилипутов или дорожно-транспортное происшествие.

Кроме церквей, да двух-трех зданий: администрации, общественной бани и ПТУ — все остальные дома были деревянными, но не простыми, а каждый на свой лад: с мезонинами, балконами, верандами и прочими необходимыми излишествами. Украшала городок площадь, где отмечались все праздники: государственные, легкие комсомольские и совсем уж детские пионерские. В двух минутах ходьбы от площади и жила моя бабушка, к пионерии имевшая самое личное отношение: она была первой пионеркой чуть ли не всей Вологодской области, но уж районной — точно на все сто процентов, и даже больше, — ее в каждую пионерскую годовщину приглашали «толкнуть речь», и она толкала... в основном перила деревянной трибуны, так как пронять лузгающую семечки молодежь не было никакой возможности, — все было известно заранее. Лишь однажды подростки проснулись и раскрыли рты от удивления: бравая пионерка-пенсионерка неожиданно звонким голосом исполнила забытый ныне хит «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

Всю жизнь Людмила Пантелеймоновна преподавала в сельской школе географию, биологию и все остальные предметы по необходимости. Учительницей она была заслуженной, но главное, ценимой всеми — за чистый детский взгляд на жизнь. Может быть, именно за этот взгляд ясных глаз ее и полюбил будущий писатель Саша Попов (Яшин), с которым она вместе провела студенческие годы в Никольском учительском институте. Ухаживал он, как всегда, страстно, посвящал ей стихи, забрасывал письмами, но сердце красавицы растопить так и не смог. «Ну почему, бабушка, ты ему отказала? — недоумевали родственники. — Стала бы женой классика». «А мне рыжие никогда не нравились», — так объясняла она свой женский «взгляд на русскую литературу». Впрочем, письма Александра

Яшина она хранила в потаенном месте, в красивой коробочке, перевязанной крест-накрест розовой лентой.

Но предвоенные и военные годы оказались для нее совсем не благостными: дедушка, командированный из учителей на ответственную работу в районную газету, был арестован ночью на глазах детей и беременной жены. Увезли деда в Вологду, где он и сгинул. Трудно представить, как моя бабушка — жена «врага народа» — перенесла голодное время, поднимая на ноги троих детей (все выросли и тоже стали преподавать). В конце пятидесятых пришло письмо с гербовой печатью; в нем сухо сообщалось, что дед погиб в 1937-м и посмертно реабилитирован. Вскоре «реабилитировалась» и бабушка: она оказалась единственной на советском Севере учительницей, у которой на пришкольном участке выросла «хрущевская» кукуруза. Обогревали южную поросль кострами и, наверное, собственными телами — иначе объяснить, как это аграрное чудо сумело выжить, невозможно. Бабушку вызвали в Кремль и вручили орден «Знак Почета». По большим семейным праздникам она доставала его из кованого железного сундука и показывала внукам.

Бабушка Люда и на пенсии занималась общественными делами: была народной заседательницей в товарищеском суде, где профессионально воспитывала провинившихся, а заодно и всех присутствующих в зале.

Когда дети разлетелись, она куковать не стала: подобрала потихоньку спивавшегося участника войны Григория Вонифатьевича Полякова, бухгалтера по профессии, продала дом в деревне и вместе с ним переехала в Кичменгский Городок.

Нового ее мужа мы звали дядей Гришей. Он был поразительно похож на Брежнева: густые брови, душевный голос и даже покашливание — все, как у Генерального секретаря.

До глубокой старости все тяжелые работы по дому выполнял он: плотничал в мастерской, пилил и колол дрова, латал крышу, растапливал баню —

всего не перечислить. Лишь вечером, сидя во главе стола, дядя Гриша мог себе позволить выпить немного «пуншу», и тогда все вокруг замирало — все ждали очередного рассказа из его богатой на события жизни. Только о войне он вспоминать не любил. Изредка, уступая нам, грустно задумавшись, медленно пересказывал один-два совсем не кинематографических эпизода (бабушка в это время подкладывала нам свои изумительные по вкусу пирожки с луком).

О столе, точнее, о том, чем был богат бабушкин стол, можно рассказывать часами. Кажется, все свое душевное тепло она пыталась передать нам, угощая самыми вкусными на свете яствами. Тепло шло отовсюду: от русской печки, стоявшей в прихожей (и по совместительству, столовой); от самовара, кипятилок в котором, кажется, не остывал и не кончался никогда; от горшков, от ухватов, от поленьев, а самое главное, от бабушкиных глаз, переполненных любовью. Эти глаза я помнил с младенчества, ведь бабушка выходила не только мою умиравшую маму, но и меня, любимого внука, как она говорила не раз...

Так вот, со стола все начиналось, и им же все заканчивалось! Утренний завтрак плавно перетекал в обед, который, в свою очередь, перевоплощался в ужин, оканчивавшийся так называемым вечерним чаем, — иногда за полночь. И все это время за столом можно было попробовать, перекусить, отведать, плотно поесть и совершить еще множество телодвижений, необходимых для приема пищи. На старинном дубовом столе в чугунках, кастрюлях, утятницах, тарелках, мисках и «розетках» были разложены «фирменные» кулинарные шедевры: легкое на пару, пареная же репа, рыбники различных видов, пироги с мясом, грибами, ягодами, яблоками (пирожки в придачу), варенья: малиновое, клубничное, смородиновое, из крыжовника, черемухи и т.п. и т.д.

При этом мы умудрялись совершить за день множество полезных дел: дядя Гриша колот дрова

и складывал в поленницу, я кормил кур и цыплят, выпустив их из курятника во двор, затем поливал огурцы, клубнику, цветы, прихватывая стручки гороха на огороде. Иногда бабушка посылала меня в продмаг, иногда в деревянный домик с вывеской «Прием стеклотары», где я своим гордым видом смущал «алкоголиков несчастных», допивавших «огненную воду» из бракованных бутылок, выброшенных под крыльцо. На обратном пути у ворот меня встречала наша любимица — кошка Пушинка, которую не только мы ценили за ум и красоту (вокруг на деревянных столбах забора располагались хмурые, злобные и одновременно трусливые коты всех мастей).

После русской бани с традиционной каменкой и березовыми вениками «вечерний чай» затягивался почти до бесконечности: каждый из нас выпивал по пять-шесть стаканов этого солнечного напитка. Потом начинались игры: мы с бабушкой шли в зал с печкой-голландкой раскладывать домино или лото, а дядя Гриша с гостями резались в преферанс, записывая в тетрадки какие-то цифры. Играли то сокрушенно, то с азартом, а ближе к ночи — почти бесстрастно.

Кроватей и диванов в доме было много, поэтому домашние и гости затихали в полной тишине, нарушаемой только одиноким комариным пищанием.

Бабушка была особенно счастлива, когда за столом собиралась вся семья. Младший из сыновей — дядя Саша, Александр Степанович, навещал мать каждое лето. Стройный, притягивающий к себе внимание доцент Петрозаводского университета прилетал с женой тетей Галей, сыном Митей, поражавшим всех своей эрудицией, и дочками: темноглазой красавицей Ириной — той самой, с которой нас сфотографировали на мотоцикле в 1965 году, и непоседливой, «шебутной», больше похожей на мальчика Людой, названной так в честь бабушки.

Старший мой дядя, Вениамин Степанович,

учитель Кобыльской школы, наведывался редко, так как был хромым с детства, он переваливался с ноги на ногу. Дядя Веня тоже не подкачал – в его семье подрастали три сына: Саша, Дима и Леша, все похожие на отца и дружные необыкновенно. Чаще я их видел в Кобыльске, куда изредка приезжал с бабушкой или с семьей дяди Саши на попутном рейсовом автобусе, но только до отворотки. От трассы надо было идти минут сорок через лес.

На высокий берег реки Юг, где раскинулось село, мы переправлялись на пароме. Поскрипывание деревянных перил, гул железного каната, по которому паромщик передвигал древнюю конструкцию, журчание дремотной воды и первозданная тишина – все это впечатляло само по себе, но встреча с прекрасным была еще впереди: нас ждали печное тепло деревянной избы, сладкие шаньги и ребячьи игры. Играли мы на высоком подъеме центральной «улицы» Кобыльска и в заброшенных сараях. Единственное место, куда заходили с опаской и с неизвестно откуда взявшимся благоговением, была церковь, удивительно хорошо сохранившаяся, похожая на храм на хрестоматийной картине Саврасова «Грачи прилетели».

Один раз мы с бабушкой уезжали из Кобыльска в Городок по другой дороге и не на обычном рейсовом, а на школьном автобусе, до отказа набитом детьми, возвращавшимися по своим разбросанным по холмистой равнине деревням. Я не представлял, что нас ожидало... Путь оказался коротким, но «чисто русским»: грунтовым, больше похожим на испытательный автополигон. Автобус шатался, проваливался в ямы, страшно ревел, со скрежетом переключая передачи, пытаясь взять с разбегу очередное препятствие. Нас швыряло то вбок, то вперед, то назад, то вниз с потрясающим однообразием. У меня глаза лезли на лоб от ужаса и космических перегрузок, а вот школьники переносили все происходящее с неподдельным и полным спокойствием. Они не испугались даже в тот момент, когда ПАЗик, задумавшись на мгновение, лениво просел

и опустился на левый бок. Водитель, ни слова не говоря (!), выбрался из кабины и махнул рукой трактористу, сидевшему у подножия угора возле своей «Беларуси». Тракторист был в стельку пьяный, но это обстоятельство не помешало ему взять автобус на буксир и с какой-то залихватской беспечностью втащить нас на его вершину.

Добрались мы до Городка почти в два счета, но меня еще долго поднимало и опускало на вечерней постели – никак не мог заснуть.

Учился я в 4-м классе Кичменгско-Городецкой средней школы – тогда деревянной, состоящей из нескольких корпусов. В центральном здании находился наш класс; рядом, за забором – стадион, чуть дальше – столовая и буфет, где продавали вкуснейшие пряженики – нечто среднее между большой оладьей, лавашем и пирогом. Готовился он на удивление просто: на раскаленную сковородку, смазанную подсолнечным маслом, бросали раскатанное скалкой тонкое круглое тесто – и все, сладкий пряженик готов!

Учиться в этой школе было безумно интересно: впервые к нам в класс приходил не один учитель – на все руки мастер, а настоящие предметники, чудные профессионалы. Теперь я понимаю, почему уроки истории, русского языка, литературы, музыки, географии и даже физкультуры так отчетливо отпечатались в моей памяти – нам преподавали не просто сельские учителя, а учителя-фронтовики. В них было какое-то особенное благородство, которое не впитывается с молоком матери, а входит в живую плоть только вместе с кровью и болью. Все, о чем они говорили, воспринималось не просто на веру, а именно как откровение, подтвержденное не словами, а поступками; не только жизнью, но и смертью. Мы были детьми, но чувствовали, что учат нас не просто хорошо, а блестяще. Мы присматривались друг к другу, в нас стала проклевываться индивидуальность, появилось и соперничество – но только не между мальчиками и девочками.

В классе я не мог не обратить внимания на Олечку Суханову, мою однофамилицу. Невысокая, скромная, застенчивая, она смущенно улыбалась, когда я разговаривал с ней. Пройдут десятилетия, и она станет известным ученым, профессором, доктором филологических наук. Мы встретимся спустя много лет, но Ольга Суханова так и не напмнит мне о прошлом — останется все такой же скромной и деликатной.

Запомнилась наша подготовка к шефскому концерту в детском саду. Мне досталась роль Антошки: «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку!..» Репетиции мы проводили в классе, а потом выступили перед малышами. Это было мое первое появление на сцене и первый успех.

Для школьной стенгазеты пришлось сочинить и первое стихотворение — сатирическое, за которое был получен и самый настоящий гонорар в виде сдачи от обиженного мной двоечника и хулигана Вершкова по прозвищу «Вершок». Только в зрелом возрасте я понял, что был несправедлив и что получил по заслугам, а тогда был не на шутку обижен. Правда, сатирических стихов больше не писал.

Со школой связано и мое первое преступление, о котором сожалею до сих пор. Среди одноклассников тогда распространилось очередное поветрие — мода на коллекционирование значков. Я тоже стал коллекционером, правда, ненадолго. Причиной моего резкого охлаждения стала зависть. В школьной раздевалке я увидел замечательный значок на одежде одного из учеников — это был цирковой гимнаст. В раздевалке никого не было, и я, отцепив ценный экземпляр, спрятал его у себя в кармане. Спустя сутки весь истерзался от совершенной мной кражи, но пальто, с которого снял значок, найти не смог — забыл. В сердцах забросил «трофей» в большой сугроб, забросив и коллекционирование, как оказалось, навсегда.

Летом и осенью любимыми развлечениями для всех мальчишек были рыбалка и походы по грибы. На рыбалку ходить было легче — за нашим забо-

ром шла тропинка через колхозное гороховое поле прямо на Кичменьгу — речку небольшую, но норовистую по своему характеру. Она могла быть тихой в ровном своем течении, — тогда мы купались и ныряли с деревянных мостков, где бабы полоскали белье; а могла и утащить в водоворот на крутом изгибе — там можно было рыбачить только со спиннингом. Мы ловили на удочки серебристую плотву, скользких пескарей и зазевавшихся полосатых окуньков, но как назло, все больше попадались сопливые колючие ерши. Уху, конечно, можно было сварить и из них, но почему-то не очень хотелось...

Еще два способа рыбной ловли мы применяли с переменным успехом: ходили с бреднем по мелководью или ставили банки. «Баночный» способ — самый быстрый и азартный. Берешь обыкновенную двух- или трехлитровую стеклянную банку, заворачиваешь машинкой жестяную крышку, затем ножом делаешь небольшое отверстие, набиваешь треть стеклянной посуды хлебом — и спускаешь на веревке, привязанной к горловине, в воду. Голодные пескари, наверное, занимали очередь — еще бы, питание, по рыбьим меркам, почти ресторанное! Правда, живность, которую мы вытаскивали вместе с банкой, была мелковата, но ведь и мы сами считались «малышней». Иногда нам везло — попадались раки, но это отдельная история.

По грибы ходили вместе с взрослыми, чтобы не заблудиться; брали корзины, ножи, надевали резиновые сапоги. Кроме белых, срезали пятнистые подосиновики, рыжие лисички, круглые и изумрудные волнушки, потрепанные сыроежки, крохотные еловики, но настоящей удачей считалась добыча груздей — настолько они были хороши в засолке, аж до хруста!

Зимой нас ждали спортивные «снаряды»: лыжи, коньки, санки... У меня были сани не магазинные, а старинные, деревянные, с закругленными металлическими полозьями. На них я и врезался

однажды в груды кирпичей, запорошенных снегом. Впопыхах не заметил, что коленка разбита и, только вернувшись домой, обнаружил, что детские коричневые колготки разбухли от крови. Бабушка заохала, сняла колготки, протерла ногу, забинтовала и положила меня на диван в зале. Пока она бегала за доктором, я разглядывал убранство комнаты. Белые занавески на окнах были открыты. На подоконниках стояли цветы герани, посаженные в жестяные банки венгерской фирмы «Глобус». На стенах в деревянных рамах за стеклом висели фотографии родственников, а самая большая кровать у была украшена настоящим персидским ковром «Похищение из сераля». Фарфоровый Илья Муромец стоял на полке с книгами, рядом лежала большая розовая раковина океанского происхождения. На стене стучали ходики с кукушкой, висели календарь за позапрошлый год и зеленая мухобойка.

Заскрипела и хлопнула дверь — это пришел врач. Рана оказалась несерьезной, но кусок мяса из коленки все-таки был вырван. Два дня отдыха от школьных дел мне были гарантированы. Я внутренне ликовал — только что принесенная из районной детской библиотеки стопка книг ждала своей очереди.

Телевизора у бабушки не было, поэтому моя жажда познания удовлетворялась книгами. Читал я тогда все подряд: школьные хрестоматии, детские издания, сборники рассказов советских писателей, русские сказки, сказки Андерсена, «Тысячу и одну ночь», «Незнайку на Луне» Носова; научную фантастику: всего А. Беляева, «Затерянный мир» А. Конан-Дойла, Кира Булычева, братьев Стругацких, Айзека Азимова; книги о путешествиях и приключениях: Д. Лондона, Ч. Диккенса, «Дерсу Узала» Арсеньева, повести Г. Федосеева, особенно понравившиеся «Пашку из Медвежьего лога», «Злой дух Ямбуя», «Последний костер»; все, что касалось войны: «Горячий снег» Ю. Бондарева, воспоминания ветеранов, «Записки авиаконструктора» А. Яковлева... Самыми значимыми для меня, хотя и тяже-

лыми для чтения, стали два романа: «Война и мир» Л. Толстого и «Как закалялась сталь» Н. Островского. Помогало лишь то, что до них я увидел не менее знаменитые экранизации.

До сих пор удивляюсь той жадности, с которой я читал книги. Мне уже не хватало школьной библиотеки, записался в районную, тем более что она находилась в двухстах метрах от дома. Библиотекари меня знали и сразу пускали к стеллажам — я выносил по 20 книг сразу.

На чердаке нашлась куча серых от пыли энциклопедий 10-х — 20-х — 30-х годов, романы В. Обручева, А. Толстого и кипы журналов «Крокодил» и «Здоровье» — подборки за несколько лет, а также стопки «Роман-газеты». Стоит ли говорить, что все это богатство я проглотил за несколько недель.

Еще один источник знаний обладал особой, таинственной притягательностью. Иногда «вечерний чай» затягивался не из-за преферанса. К нам в гости часто приезжал брат бабушки, Валентин Пантелеймонович, учитель истории и директор Кобыльской сельской средней школы. Несмотря на неблагозвучное название, школа была замечательной, в ней, кроме дяди Вали, преподавал, например, вологодский поэт Михаил Карачев.

Дядя Валя был знаменит не только дружбой с А. Яшиным, он сам по себе оказался личностью необыкновенной: властный, уверенный в себе, с великолепно поставленной дикцией, он буквально сминал всех своей эрудицией и бесстрашием в оценках современной истории. Разговоры за столом, которые я невольно подслушивал, лежа на диване за дверью, касались «запретных» тем: культа личности, Хрущева, Мао, Чан Кайши, Солженицына, даже Брежнева. Я с удивлением узнал о злоключениях Хрущева в Китае, о венгерских и чехословацких событиях, о распрях в партийном руководстве.

Так получилось, что дружил я в Кичменгском Городке с сыновьями учителя истории Тихомирова: старшим, Николаем, и младшим, Артемом. Как

водится, играли мы в одни и те же игры: в прятки, «войнушку», лапту; обменивались книгами, ходили на рыбалку, в кино — наши интересы совпадали если не во всем, то во многом. Их двухэтажный деревянный дом желтого цвета стоял недалеко от школы, поэтому я первым делом спешил к ним и лишь потом, к вечеру, к бабушке, которая нашей дружбе не препятствовала.

Учебный год к лету 1972 года подошел к концу, наши детские походы по Городку и вокруг него не прекращались. Мы купались в Кичменьге и даже в опасной для нас реке Юг, дурачились в лесу, строили шалаши, потом ловили раков под корягами и камнями, варили пойманных банками пескарей, жгли костры на берегах рек и в поле.

У такого вот «костра дружбы» я и узнал от них страшную взрослую тайну, потрясшую меня до основания. Почти до одиннадцати лет я был убежден, что дети появляются на свет каким-то волшебным, бестелесным способом. Нет, конечно, я не верил в сказки о капусте, аистах и прочих ро-сказнях для малышей и малышей. Я знал, что есть роддома, что детки вылезают из маминого живота, но о зачатии не имел ни малейшего представления и даже не думал об этом. Тихомировы, столкнувшись с подобной дремучестью, чуть не покатались со смеху и жестоко меня «просветили». Я не мог ни сердцем, ни умом согласиться с услышанным. Родители, которых боготворил, и вдруг — «это»... Спротивление было яростным — именно потому, что вера моя дала трещину. Мы поссорились, но эта ссора была сущей мелочью по сравнению с тем расколом, который возник в моей душе. В одно мгновение я был сокрушен, подавлен и одновременно развращен — жгучее любопытство к противоположному полу получило с того дня осознанное направление.

Еще одним потрясением стал ужас от внезапного осознания своей смертности. Я лежал на кровати и смотрел на ковер, где два восточных похитителя в чалмах летели вскачь от стен дворца.

У одного из всадников на сером иноходце восседала за спиной красавица в шальварах, второй смельчак держал в правой руке опущенное старинное ружье с узорным прикладом, а левой погонял коня. Но не этот сюжет занимал меня, а россыпь звезд над лунными минаретами, — я вдруг ощутил полную свою ничтожность перед бесконечностью пространства. «Умру, и ничего не будет, ни-че-го!..» — думал я и не мог вместить в себя мучительную мысль о смерти. Мне было очень и очень страшно.

В конце августа пришло письмо от родителей, они сообщали, что получили квартиру в Лоо, пригороде Сочи, и что скоро за мной приедет отец. Я еще успел два дня проучиться в 5-м классе, но 3 сентября мы с отцом, попросившись с бабушкой Людой, у которой глаза были на мокром месте, отправились на соседском «Запорожце» в аэропорт. Нам повезло: в этот день до Вологды летел не маломестный Ан-2, а двухмоторный Ли-2, скопированный еще до войны у американцев «Дуглас ДС-3», в 1972 году доживавший свои дни в «Аэрофлоте». Может быть, это был один из последних полетов ветерана.

Оставив чемоданы в хвосте, мы разместились у квадратного окошка и молча наблюдали, как наш борт поднялся в воздух, натужно ревя моторами, как делал круг над Кичменгским Городком... Это место на карте теперь одно из самых дорогих для меня. Здесь, на тихом кладбище у реки, покоятся в могилах бабушка Люда и дядя Гриша, здесь осталась часть моей жизни. Здесь я по-настоящему поверил в безграничную душевную силу русских людей, в их малозаметную, скрытую от посторонних, но неизбывную в своей простоте любовь к этим рекам, полям, лесам, дорогим сердцу родным холмам... Может быть, именно эта любовь и оберегала меня в тяжелые годы уныния, тоски и беспросветности. ■

(Окончание следует)